

Александр Горный / Aleksandr Gornyj

Grodzieński Uniwersytet Państwowy (Białoruś)

State University of Grodno (Belarus)

e-mail: litvin.gornyj@gmail.com

Белорусское национальное движение в православных учебных заведениях Польши в 1920-х годах

Belarusian National Movement in the Orthodox Schools of Poland in the 1920s

Białoruski ruch narodowy w szkołach prawosławnych w Polsce w latach 20-tych XX wieku

Беларускі нацыянальны рух у праваслаўных навучальных установах Польшчы ў 1920-х гадах

Конфессиональный фактор всегда выступал одним из составляющих национального движения, особенно для народов Восточной Европы. Христианское духовенство в этом регионе являлось значительным катализатором национальной эмансипации, а в некоторых случаях, как например, у литовцев либо словаков, возглавляло ее. Не было исключением и белорусское национальное движение. В сложных условиях конфессиональной неоднородности белорусов и доминировании „польского” и „русского” влияния на католическую и православную конфессии, белорусские активисты стремились привнести национальный компонент в религиозную жизнь, понимая, что церковь может стать значительным социальным транслятором их идей. Поэтому в начале XX в. белорусская идея распространилась среди молодого поколения католических ксендзов, а в 1920-е гг. эта тенденция стала характерной и для православного духовенства.

Если проблема взаимодействия белорусского национализма и католического костела в поздний модерный период была подробно раскрыта в ряде крупных работ современных историков¹, то тема контактов белорусских деятелей с православной церковью не была изучена достаточно основательно и рассматривалась

¹ Среди большого списка литературы по данному вопросу можно отметить две, на мой взгляд, наиболее обобщающие работы: I. I. Трацяк, *Беларускае каталіцкае духавенства ля вытокаў сацыякультурнай ідэнтыфікацыі*, Гродна 2013; M. Moroz, „Krynica”. *Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu*, Białystok 2001.

либо в контексте истории православия в межвоенный период, либо в качестве исследования отдельных процессов, личностей и организаций. Белорусские историки и исследователи из Польши (многие из которых являются представителями белорусского меньшинства в этой стране) внесли определенный вклад в изучение этой проблематики, но по-прежнему не создали комплексных работ, несмотря на присутствие определенного интереса к национальной составляющей в церковной жизни среди части православного духовенства и прихожан современной Беларуси². Вместе с этим, прежде чем создавать обобщающие работы, необходимо еще подробнее обозначить и раскрыть те аспекты, которые остались на периферии исследований и представляют большой интерес. Среди таких малоизученных аспектов хотелось бы выделить историю белорусского национального присутствия в православных учебных заведениях в межвоенный период.

Как известно, во второй половине XIX – начале XX вв. православная церковь на белорусских землях находилась в большой зависимости от государственного аппарата и была составной частью имперской идеологии. Многие православные священники выступали проводниками идей „западноруссизма” и были задействованы государством в качестве еще одного элемента русификации местного населения. Тем не менее уже в этот период некоторая часть приходского духовенства пыталась пользоваться в своей пастырской деятельности белорусским языком, а также внесла большой вклад в изучение белорусского фольклора, языка и литературы³. В 1897 г. около 47% местных православных священников определило свой родной язык как белорусский⁴. С полной уверенностью можно утверждать, что в начале XX в. у белорусского православного духовенства имелся определенный потенциал для присоединения к национальному движению, который, однако, сдерживался государственной и церковной властью.

² J. Traczuk, „*Prawaślauŋaja Bielaruś*” jako organ Prawoślawnego Białoruskiego Zjednoczenia Demokratycznego, „*Slavia Orientalis*” 1989, nr 3–4, s. 543–562; М. Давідзюк, *Справа беларусізацыі праваślawnай царквы ў святле палітыкі польскіх дзяржаўных улад 1919–1939*, [w:] *Беларускі каляндар на 1990 год*, Беласток 1990, с. 67–92; Л. Кулажанка, *З вопыту асветніцкага служэння Праваślawnай царквы (Заходняя Беларусь: 1920–30-я гг.)*, „*Праваслаўе*” 1999, nr 8, с. 38–57; W. Iwaniuk, *Białoruskie wydawnictwa cerkiewne w II Rzeczypospolitej*, [w:] *Prawoślawnne oficyny wydawnicze w Rzeczypospolitej*, pod red. A. Mironowicza, U. Pawluczuk i P. Chomika, Białystok 2004, s. 212–224; A. Mironowicz, *Kościół prawoślawnny w Polsce*, Białystok 2006, s. 612–617; А. Горны, *Протаіерэй Аляксандр Коўш: вяртанне з забыцця*, „*Гродненскія епархіяльныя ведомасці*” 2011, nr 11, с. 13–17; А. Горны, *Да гісторыі Цэнтральнага беларускага праваślawnага камітэта па беларусізацыі царквы*, „*Наша слова*” 2012, nr 15, с. 6–7; U. Pawluczuk, *Białorusiŋizacja i ukrainizacja języka liturgicznego w Kościele prawoślawnym w II Rzeczypospolitej*, „*Latopisy Akademii Supraskiej*” 2012, vol. 3, s. 171–181; А. Цымбал, *Праваślawnая царква ў Заходняй Беларусі (1921–1939)*, Мінск 2016, с. 72–81.

³ А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть, *Белорусы: нация Пограничья*, Вильнюс 2011, с. 136–137.

⁴ П. Терешкович, *Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы*, Минск 2004, с. 121.

Ситуация изменилась после 1917 г. когда церковь потеряла покровительство и контроль со стороны государства. Некоторые православные священники начали включаться в деятельность белорусских организаций, политических и культурно-просветительских структур⁵. В свою очередь белорусское движение выставило перед православной церковью ряд собственных требований, направленных в первую очередь, на постепенную белорусизацию церковной жизни. Одним из них был призыв к духовным властям внедрить белорусский компонент в духовное образование и подготовку будущих священников⁶.

Во времена Российской империи в т. наз. „Северо-западном крае” существовала целая сеть духовных училищ и семинарий. Среди их выделялась Литовская (Виленская) духовная семинария, созданная в 1839 г. в Жировичах и переведенная в 1845 г. в Вильно. На рубеже XIX–XX вв. семинария являлась крупным образовательным учреждением в регионе и центром изучения церковной истории и культуры. Во время Первой мировой войны преподаватели и студенты семинарии были эвакуированы в Рязань и только в 1919 г. трое преподавателей – В. Богданович (исполнял обязанности ректора семинарии), В. Недельский, В. Предтеченский и часть семинаристов вернулись в Вильно и возобновили занятия⁷. Находясь на территории, контролируемой польскими властями, семинария сразу же попала в поле зрения активистов белорусского движения, которые значительно расширили свою деятельность на западнобелорусских землях в 1919–1920 гг.

Влияние „белорусского фактора” на православную церковь сказалось уже в том, что в июне 1920 г. на епархиальном съезде в Вильно было принято решение об обязательном включении в число общеобразовательных предметов, которые преподавались в семинарии, белорусского языка, литературы и истории Беларуси⁸. Вполне возможно, что главным инициатором такого решения выступал В. Богданович, который к этому времени принимал активное участие в белорусском движении. Однако данное решение не было реализовано, так как в июле 1920 г. Вильно было захвачено советскими войсками. Занятия в семинарии возобновились в конце 1920 г. и только в двух старших богословских клас-

⁵ Одним из первых священников, активно поддержавших белорусское национальное движение можно считать протоиерея Михаила Голенкевича, который еще в 1915 г. в оккупированном немцами Вильно участвовал в организации белорусских школ и благотворительных обществ. На неоккупированной территории Беларуси в 1917 г. первым тесные связи с белорусскими деятелями установил священник Разумович, который являлся участником съезда белорусских деятелей и организаций 25–27 марта 1917 г. См. подр.: А. Л., *Прат. Міхал Галенкевіч*, „Сялянская праўда” 1924, 14 лістапада, нр 20, с. 3; А. Слесарев, *Движение церковного обновления в Могилевской епархии после Февральской революции 1917 г.: Чрезвычайный Съезд духовенства и мирян*, „ХРОНОС. Церковно-исторический альманах” 2016, нр 3, с. 110.

⁶ *Беларускі зьезд 9–10 чэрвеня*, „Беларуская думка” 1919, 18 чэрвеня, нр 23, с. 2.

⁷ В. Васілевіч, *Віленская прайваўная сэмінарыя*, „Праваслаўная Беларусь” 1927, 15 лістапада, нр 4, с. 9.

⁸ *Хроніка. Праваслаўны зьезд*, „Незалежная думка” 1920, 27 чэрвеня, нр 4, с. 6.

сах, где не предусматривалось преподавание общеобразовательных предметов, в том числе и белорусоведения. Это обстоятельство послужило причиной протеста Белорусского учительского союза, который призывал вернуть белорусский язык в семинарию. В специальном письме в редакцию газеты „Наша думка” В. Богданович подчеркнул, что преподавание белорусского языка и литературы будет введено непременно после открытия младших семинарских классов осенью 1921 г. Специально с этой целью в семинарию был приглашен в качестве преподавателя известный белорусский писатель М. Горецкий⁹. С 28 сентября 1921 г. в Виленской духовной семинарии официально началось преподавание белорусского языка, литературы и истории Беларуси¹⁰.

Широкое развитие белорусского движения на рубеже 1910–1920-х гг. стало причиной того, что многие православные семинаристы приняли в нем активное участие. Так, семинарист М. Яцкевич в 1919 г. являлся секретарем виленского Белорусского национального комитета (БНК) и даже арестовывался за распространение белорусской прессы. Учащиеся П. Слиж и К. Маевский в 1920–1921 гг. работали учителями белорусских школ в Ошмянском и Воложинском поветах, за что подвергались преследованию со стороны властей¹¹. Однако наиболее широкую деятельность осуществлял Владимир Нарко [будущий архиепископ Филофей – А. Г.], который обучался в семинарии с 1921 по 1925 гг. Он принимал активное участие в местном белорусском движении, печатался в белорусских газетах, организовывал в местечке Илья Вилейского повета театральные представления и концерты на белорусском языке. К примеру, 16 июля 1922 г. во время каникул В. Нарко организовал в Илье постановку пьесы Л. Родевича *Збянтэжаны Саўка* и Ф. Олехновича *Заручаны Паўлінкі*, а затем вместе с хором исполнил, как подчеркивалось в газетной корреспонденции, „белорусский гимн”¹².

Во многом работа в семинарии в начале 1920-х гг. таких педагогов, как В. Богданович и М. Горецкий способствовала знакомству семинаристов с белорусским движением и включению их в общественно-политическую и культурную деятельность. В частности, в октябре 1921 г. семинаристы А. Серебренников, Д. Сурвилло, А. Свитич, В. Беляев, В. Нарко, Н. Жуков, И. Игнатович и С. Ясинский пожертвовали денежные суммы на издание газеты „Беларускія ведамасыці”, которую редактировал Горецкий¹³. Участвуя в праздничных богослужениях, исполняющий обязанности ректора В. Богданович либо рядовые семинаристы нередко произносили проповеди на белорусском языке, что положительно воспринималось верующими¹⁴. Пиком политической активности семи-

⁹ В. Богдановіч, *Пісьмо ў рэдакцыю*, „Наша думка” 1921, 8 красавіка, нр 14, с 5–6.

¹⁰ *Хроніка*, „Беларускія ведамасыці” 1921, 17 кастрычніка, нр 6, с. 4.

¹¹ *Беларускае мучаніцтва*, „Беларускія ведамасыці” 1921, 20 верасня, нр 3, с. 3.

¹² *Карэспандэнцыі. м. Ілья Вялейскага навету*, „Беларускі зван” 1922, 8 верасня, нр 18, с. 4.

¹³ *Хроніка*, „Беларускія ведамасыці” 1921, 24 кастрычніка, нр 7, с. 4.

¹⁴ *Беларускае жыццё. Царкоўнае казаньне на беларуску*, „Наша думка” 1921, 3 чэрвеня, нр 22, с. 5; *3 беларускага жыцця*, „Новае жыццё” 1923, 24 сакавіка, нр 4, с. 5.

наристов можно считать их участие в агитационной кампании перед выборами в польский парламент осенью 1922 г. Они были освобождены от занятий и направились в сельскую местность для проведения агитации за Блок национальных меньшинств, в который входили, в том числе, и представители белорусского населения Польши. Виленский БНК снабдил семинаристов необходимыми агитационными материалами и финансовыми средствами¹⁵.

Еще одной чертой сильного влияния белорусского национального движения на учебный процесс в Виленской семинарии можно считать создание различных семинарских кружков и коллективов самодеятельности. В периодической печати того времени встречается информация о существовании в семинарии в 1923 г. „культурно-исторического кружка белорусской молодежи” при котором действовала библиотека белорусских книг. Руководитель кружка К. Маевский в последствии принимал активное участие в работе белорусских организаций в межвоенной Польше¹⁶. В 1926 г. в семинарии был создан культурно-просветительный кружок, целью которого, в соответствии с уставом, являлось усовершенствование учебного и научного уровня семинаристов путем проведения дискуссий, чтения рефератов и лекций. Рабочими языками кружка объявлялись польский, русский, белорусский и украинский языки¹⁷. К примеру, в апреле 1926 г. воспитанник 8 класса Ковшик готовился прочитать на заседании кружка белорусскоязычный реферат на тему истории книгопечатания в Беларуси¹⁸. Планировалось также выпускать иллюстрированный литературный еженедельник на четырех языках, однако в источниках не обнаружено сведений об успешной реализации данного проекта¹⁹. В 1929 г. преподаватель В. Гришкевич создал в семинарии кружок любителей белорусского языка и представил проект его устава на заседании педагогического совета. О деятельности данного объединения других сведений на данный момент не выявлено²⁰.

Национальный компонент был характерен и для коллективов самодеятельности, которые создавали семинаристы. Семинарский хор, духовой и струнный оркестр исполняли на различных вечерах, в том числе, и белорусские народные песни, а театральные труппы учащихся организовывали в стенах семинарии постановки белорусских спектаклей²¹. Некоторые участники данных коллективов, как, например, И. Кушнер, Н. Лапицкий, в будущем, после посвящения в сан, прини-

¹⁵ *Рижский мир в судьбе белорусского народа 1921–1953 гг. Книга 1. Редкол.: А. А. Коваленя [и др.]*, Минск 2014, с. 565.

¹⁶ К. Маеўскі, *Пісьмо ў рэдакцыю*, „Змаганьне” 1923, 14 сьнежня, nr 18, с. 4.

¹⁷ Lietuvos centrinių valstybės archyvas (LCVA), f. 220, ap. 1, b. 32, k. 15: Statut Koła Kulturalno-Oświatowego, 1926.

¹⁸ *Ibidem*, k. 46: Тема и содержание реферата воспитанника Ковшика, 18 IV 1926.

¹⁹ *Ibidem*, k. 15: Statut Koła Kulturalno-Oświatowego, 1926.

²⁰ А. Адамковіч, *Беларусы ў Літве: учора і сёння. Кніга II – 3 Богам па-беларуску*, Вільня 2016, с. 114.

²¹ *Вечарына ў Віленскай Духоўнай Сэмінарыі*, „Беларуская зарніца” 1929, nr 3, с. 15.

мали активное участие в белорусизации православной церкви. Стоит однако отметить, что белорусская тематика в творчестве семинарской самодеятельности была значительно заметна лишь в 1920-е гг., в последующем этот процесс не имел своего широкого развития, а место белорусского, украинского или русского творческого компонента занимали элементы польского культурного дискурса.

Активное участие педагогов и учащихся Виленской семинарии в белорусском национальном движении в начале 1920-х гг. вызывало определенное беспокойство духовных и светских властей. Исполняющий обязанности ректора семинарии В. Богданович активно выступал против существующей иерархии Польской православной церкви, призывал сохранять каноническое единство с Московским патриархатом и к тому же не имел духовного сана, поэтому перед церковным руководством встал вопрос о скорейшем утверждении нового ректора семинарии. Указом Синода Варшавской митрополии от 31 августа 1922 г. ректором был назначен архимандрит Филипп (Морозов)²². Он поддерживал новую церковную иерархию и лояльно относился к польским властям, что отобразилось и на его деятельности в семинарии. По воспоминаниям одного из семинаристов Морозов был „человек властный, гордый, по натуре карьерист. Семинария при нем утратила характер форпоста Православия, каковой она была при В. В. Богдановиче и его соратниках. Она стала казенным учебным заведением, лишенным внутреннего огонька”²³.

При содействии архимандрита Филиппа семинария была переведена в разряд государственного учреждения образования, а во внутреннее делопроизводство и учебный процесс начал вводиться польский язык²⁴. Более того, новое руководство развязало конфликт с Виленской белорусской гимназией, с которой семинария разделяла одно здание на улице Остробрамской. Сущность конфликта была в том, что семинария и гимназия не могли разделить учебные аудитории: ситуация доходила даже до того, что архимандрит Филипп лично ломал замки в аудиториях, которые считал семинарскими²⁵. Данный конфликт вызвал широкий резонанс среди белорусской общественности. В сентябре 1923 г. в знак протеста против действий руководства семинарии должность учителя белорусского языка покинул М. Горецкий²⁶. Белорусские общественные деятели обратились непосредственно к митрополиту Дионисию (Валединскому) с жалобами на рек-

²² LCVA, f. 220, ар. 1, б. 279, к. 7 атв.: Формулярный список о службе игумена Филиппа (Морозова), 1921–1923.

²³ *Антология семинарской жизни. Из воспоминаний отца Евстафия Баслыка. Часть 1* [он-лайн], <http://www.pravoslavie.ru/30044.html> [доступ: 11.05.2016].

²⁴ А. Miłonowicz, *op. cit.*, s. 600; В. Васілевіч, *op. cit.*, с. 9–10.

²⁵ Бацька-беларус, *Адкрытае пісьмо да Асьвячонага Сьноду Праваслаўнае царквы ў Польшчы*, „Змаганьне” 1924, 24 студзеня, нр 8, с. 2.

²⁶ LCVA, f. 220, ар. 1, б. 279, к. 124: Письмо М. Горецкого ректору Виленской духовной семинарии, 17 IX 1923.

тора, обвиняя его в попытках полонизировать учебный процесс²⁷. Однако наиболее широкую агитацию против архимандрита Филиппа развернул виленский Беларусский национальный комитет. В информационном сообщении комиссара правительства в Вильно на этот счет сообщалось:

В монастыре Святой Троицы против Филиппа агитировали белорусские депутаты [польского парламента – А. Г.], а также члены Виленского белорусского национального комитета вместе с Красинским, Вячеславом Богдановичем и преподавателями Виленской белорусской гимназии. Между ними и сторонниками Филиппа начались острые споры и ощущалась открытая вражда... Теперь понятно, что агитация против Филиппа была спланированной и организованной: церкви были разделены между агитаторами, и каждый из них выполнял то, что было поручено руководством²⁸.

Таким образом, в 1923 г. белорусские активисты в Польше развернули кампанию по смещению архимандрита Филиппа с должности ректора Виленской духовной семинарии, которую провели довольно организованно и успешно. 9 апреля 1924 г. на заседании Синода Православной митрополии в Польше было принято постановление об увольнении архимандрита с должности ректора²⁹. Несмотря на то, что архимандрит Филипп имел определенную поддержку в Министерстве просвещения и вероисповеданий за свою лояльность к властям, виленский воевода поддержал решение Синода, опасаясь расширения конфликта и дискредитации духовного руководства православной церкви в Польше³⁰.

Данная победа белорусской общественности в Вильно не привела, однако, к существенным изменениям в стенах семинарии и белорусизации ее учебного процесса. Некоторые надежды на расширение национального компонента в семинарии белорусские деятели связывали с новым ректором – епископом Антонием (Марценко), который руководил учебным заведением с 1924 по 1926 гг. По сообщениям прессы тех времен, епископ Антоний в ноябре 1925 г. ездил в Варшаву с предложениями к светским и духовным властям перевести обучение в семинарии на белорусский язык³¹. Тем не менее, в Министерстве образования и вероисповеданий подобные идеи воспринимались скептически и не находили абсолютно никакой поддержки: власть наоборот, считая семинарию государственным учреждением образования, стремилась расширить польский компонент в ее стенах. С другой стороны, большое влияние на внутреннюю семинарскую жизнь оказывали преподаватели и священнослужители, которые придерживались дореволюционных взглядов и призывали сохранить русский язык

²⁷ А. Адамковіч, *op. cit.*, с. 40.

²⁸ *Ibidem*, с. 41.

²⁹ *Ibidem*, с. 38.

³⁰ *Ibidem*, с. 45.

³¹ *Хроніка Беларускага Віленскага Праваслаўнага Сэмінарыя „Беларуская ніва” 1925, 18 лістапада, нр 1, с. 4.*

как основной язык обучения. Поэтому руководство семинарии во второй половине 1920-х гг. было вынуждено проводить политику лавирования между запросами властей и требованиями белорусского и русского национальных меньшинств. Несмотря на такую компромиссную позицию, руководству все же не удалось избежать небольших конфликтов. К примеру, летом 1926 г. вновь обострился спор между семинарией и Виленской белорусской гимназией, связанный с желанием Министерства образования и вероисповеданий создать в помещениях гимназии интернат для семинаристов. Показательно, что в этом конфликте, который окончился для обеих сторон положительно, виленское епархиальное руководство и члены консистории выступали на стороне белорусской гимназии³².

В ноябре 1926 г. в стенах семинарии снова актуализировался вопрос расширения использования белорусского языка в учебном процессе. Возможно, что это было тесным образом связано с активностью Белорусской крестьянско-рабочей громады в Западной Беларуси, широкая деятельность которой заставила польские власти обратить внимание на „белорусский вопрос” в Польше. 8 ноября 1926 г. проблема белорусизации семинарии обсуждалась на заседании педагогического совета. Несмотря на предложение министерства увеличить количество часов белорусского языка в семинарии, ректор протоиерей Н. Тучемский и часть преподавателей выступили против этого и вообще довольно негативно восприняли идею расширения белорусскости в семинарской жизни. В частности, ректор семинарии подчеркнул, что на белорусском языке нет богословской литературы, не существует соответственного перевода Библии и поэтому эти обстоятельства осложняют преподавания богословских дисциплин. К тому же, по мнению Тучемского, в семинарии обучались не только белорусы, но и украинцы, русские, сербы и болгары, которым было бы проблематично усваивать предметы на белорусском языке³³.

Довольно широко проблема белорусизации Православной церкви и ее институтов обсуждалась в Западной Беларуси в 1928 г. Фактически можно утверждать, что в этом году взаимоотношения белорусского национального движения и православия достигли наибольшего развития за весь межвоенный период. В августе 1928 г. трое белорусских деятелей вошли в состав совещательного совета при митрополите Польской православной церкви. В Вильно для потребностей учащихся белорусской гимназии была передана Пятницкая церковь, которая должна была стать отдельным, исключительно „белорусским” приходом³⁴. Вопрос белорусизации церкви широко обсуждался в прессе и выходил на одно из важнейших мест в белорусском общественно-политическом дискурсе того времени. Безус-

³² LCVA, f. 51, ар. 4, б. 54, к. 32: Письмо коменданта полиции Виленского воеводства в Отдел безопасности Виленского воеводского управления, 31 VII 1926.

³³ А. Адамковіч, *op. cit.*, с. 113–114.

³⁴ А. С., *Мітрапалітальная Рада*, „Беларуская зарніца” 1928, nr 1, с. 9; М. Давідзюк, *op. cit.*, с. 75.

ловно, этот процесс не мог обойти стороной и духовное образование. Священник А. Ковш – один из главных сторонников белорусизации – среди актуальных требований белорусской общественности к православной церкви выделил следующее: „Воспитание будущих пастырей для белорусского народа в виленской духовной семинарии в белорусском национальном духе...”³⁵. Возросшая активность привела к тому, что даже в польских газетах начали появляться заметки о скорой белорусизации семинарии, ее реорганизации и даже о назначении на должность ректора одного из священнослужителей–белорусов³⁶. Тем не менее, дальше увеличения часов белорусского языка в 1928/1929 учебном году идея белорусизации семинарии не зашла³⁷.

Еще одним шагом, сделанным властями и семинарским руководством в сторону белорусского движения, можно считать назначение в феврале 1929 г. на должность инспектора семинарии А. Михалевича – бывшего директора белорусской гимназии, члена Товарищества белорусской школы³⁸. Данное назначение свидетельствовало о том, что белорусское движение в это время оказывало на семинарскую жизнь очень большое влияние, т. к. должность инспектора была второй по значимости в структуре руководства. Однако белорусские активисты не смогли в полной мере использовать данный успех для расширения белорусскости в стенах семинарии. К концу 1920-х гг. в Западной Беларуси наблюдался определенный кризис белорусского национализма, связанный с расколами и борьбой различных течений между собой. Среди этих разногласий вопросы белорусизации православной церкви постепенно отошли на задний план.

В конце 1920-х гг. в учебном процессе, как и в делопроизводстве Виленской семинарии начинает расширяться использование польского языка. Обязательными предметами стали история и география Польши³⁹. Еще в 1927 г. Товарищество белорусской школы в своем обращении к митрополиту Дионисию подчеркивало, что полонизация семинарии будет негативным образом отображаться на подготовке пастырей, которые будут служить в Виленской, Гродненской и Полесской епархиях, населенных православными белорусами⁴⁰. Кроме этого, в семинарии по-прежнему сохранялось русскоязычное обучение, которое поддерживали многие преподаватели-богословы. В 1932 г. согласно информации Института национальных дел семинария, несмотря на проводимую полонизацию, продолжала сохранять „русский характер”⁴¹. Поэтому в 1930-е гг. наблюдалось столкнове-

³⁵ А. Ковш, *Письмо в редакцию*, „За Свободу” 1928, nr 271, с. 3.

³⁶ *Sprawy wyznaniowe. Reorganizacja seminarjum prawosławnego*, „Kurier Wileński” 1928, 23 marca, nr 67, s. 3; *Białorusinizacja seminarjum duchownego*, „Kurier Wileński” 1928, 24 kwietnia, nr 92, s. 3.

³⁷ А. Адамковіч, *op. cit.*, с. 120.

³⁸ *Новы інспэктар Віленскае Духоўнае Сэмінарыі*, „Беларуская зарніца” 1929, nr 2, с. 16.

³⁹ Л. Кулажанка, *op. cit.*, с. 47.

⁴⁰ Праваслаўны, *Забытая справа*, „Родныя гоні” 1927, кніжка VI, с. 52.

⁴¹ А. Mironowicz, *op. cit.*, s. 601.

ние, с одной стороны, государственного влияния в виде полонизации и, с другой стороны, стремления некоторых преподавателей не утратить дореволюционный русскоязычный элемент духовного образования. Белорусская проблематика в этом конфликте интересов уже не затрагивалась и потеряла свою прежнюю актуальность.

Как уже отмечалось выше, важным компонентом белорусского национального движения в семинарии были уроки белорусского языка и литературы. Этот предмет стоял в расписании всех классов семинарии (кроме последнего класса, где преподавались богословские дисциплины) и являлся обязательным для изучения всеми учащимися⁴². Однако количество часов преподавания белорусского языка изменялось в зависимости от отношения руководства семинарии к этому предмету и политической конъюнктуры. Например, если в 1922 г. на белорусский язык отводилось всего 2 часа в неделю, то в 1925/1926 учебном году уже 17 часов, в 1927/1928 – 16 часов, в 1928/1929 – после активного общественного обсуждения возможности белорусизации семинарии – 20 часов, в 1930/1931 – 18 часов⁴³. Белорусский язык как один из предметов присутствовал в учебном процессе семинарии вплоть до ее закрытия в 1940 г.

На уроках белорусоведения семинаристы пользовались теми учебными пособиями, которые были распространены в светских белорусских школах и гимназиях межвоенной Польши. Несмотря на то, что белорусы ощущали недостаток учебной литературы из-за отсутствия какой-либо государственной поддержки, список учебных пособий и книг для учащихся семинарии был довольно разнообразным. Белорусскую лексику, орфографию и пунктуацию предлагалось изучать с помощью грамматики Б. Тарашкевича, Р. Островского, Я. Станкевича, букваря Л. Горещкой „Родны край”. Семинаристы писали диктанты, изложения и пересказы по белорусскому языку, должны были составлять краткие сочинения на вольную тематику. Большое внимание уделялось изучению истории белорусской литературы и ее современному состоянию. В соответствии с программой, в младших классах семинаристы должны были знать наизусть около 10 стихотворений белорусских поэтов. В старших классах изучалось творчество классиков белорусской литературы – В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича, А. Обуховича, Я. Купалы, Я. Колоса, А. Гаруна, Ф. Олехновича и др. Показательно, что в программу было включено также изучение публицистического наследия лидера восстания 1863–1864 гг. К. Калиновского, творчества белорусских советских поэтов З. Жилуновича, М. Чарота, В. Дубовки, и даже сказок Г. Андерсона в переводе на белорусский язык. В качестве учебного пособия по белорусской

⁴² LCVA, f. 220, ар. 1, б. 28, к. 2–3 атв.: Расписание занятий в Виленской духовной семинарии на 1926 г.

⁴³ LCVA, f. 220, ар. 1, б. 28, к. 2: Расписание занятий в Виленской духовной семинарии на 1926 г., к. 185: Список преподавателей Виленской духовной семинарии и количество часов нагрузки, 30 VIII 1927; С. У., *Беларуская дэлегацыя ў мітрапаліта Юрыя*, „Наша будучына” 1922, 25 сьнежня, нр 3, с. 6; А. Адамковіч, *op. cit.*, с. 120.

литературе преподаватели отдавали предпочтение книгам М. Горьцкого *Гісторыя беларускай літаратуры* и А. Луцкевича *Нашы песняры*⁴⁴.

Преподавателями белорусского языка и литературы в семинарии работали как опытные специалисты и филологи, так и люди, имевшие к белорусской филологии опосредованное отношение. Хорошие взаимоотношения сложились у семинаристов с Максимом Горьцким, который был учителем белорусоведения до 1923 г. Как вспоминал бывший семинарист Е. Баслык, Горьцкий преподавал „с увлечением, с любовью, стараясь эти качества привить и нам”⁴⁵. После его ухода, уровень подготовки семинаристов по белорусскому языку снизился. В 1923–1927 гг. в семинарии на должности преподавателей белорусоведения работали Александр Верниковский, Кондратий Сченснович и Зыгмунт Абрамович – педагоги, которые не имели соответствующей квалификации. Верниковский и Сченснович были выпускниками духовных академий, ранее преподавали разные гуманитарные и богословские предметы и попали в семинарию на должность преподавателей-белорусоведов, вполне возможно, только из-за того, что занимали до этого должности директоров белорусских гимназий в Радошковичах и Несвиже⁴⁶. Небольшой опыт сотрудничества с белорусским движением в начале XX в. имел З. Абрамович – внук Ф. Богушевича, однако руководство семинарии негативно относилось к его работе на посту преподавателя белорусского языка, в том числе из-за того, что ранее он работал в политической полиции. К примеру, в 1925 г. ректор семинарии в письме к попечителю виленского учебного округа считал необходимым заменить Абрамовича преподавателем с лучшей репутацией и православного вероисповедания⁴⁷.

После 1927 г. белорусскому языку и литературе виленских семинаристов обучали выпускники Пражского и Виленского университетов, известные филологи и историки, имевшие докторские степени – Ян Станкевич, Винцент Гришкевич, Николай Ильяшевич и Федор Ильяшевич. Первый из них, Я. Станкевич, стремился привить на уроках собственные подходы и разработки в области белорусской грамматики, использовал неклассические методы обучения, чем вызвал низкую успеваемость учащихся. Как подчеркивал ректор семинарии в одном из своих писем, Станкевич впоследствии осознал свои ошибки и изменил методику обучения⁴⁸. Довольно продолжительное время белорусский язык в семина-

⁴⁴ LCVA, f. 220, ар. 1, б. 28, к. 52–54: Список рекомендуемых учебников и литературы по классам; А. Адамковіч, *op. cit.*, с. 108–110.

⁴⁵ *Антологія семинарскай жыцця. Из воспоминаний отца Евстафия Баслыка. Часть I* [он-лайн], <http://www.pravoslavie.ru/30044.html> [доступ: 11.05.2016].

⁴⁶ LCVA, f. 220, ар. 1, б. 279, к. 109–109 атв.: Curriculum vitae Александра Верниковского, 13.X.1923, к. 195–196: Прошение Кондратия Сченсновича на имя ректора Виленской духовной семинарии, 11 VIII 1923.

⁴⁷ А. Адамковіч, *op. cit.*, с. 116.

⁴⁸ *Ibidem*, с. 124–125.

рии преподавал В. Гришкевич, который проводил с семинаристами активную внеклассную работу⁴⁹.

Виленская духовная семинария была не единственным православным учебным заведением в межвоенной Польше, где изучалось белорусоведение и присутствовала белорусская активность. 8 февраля 1925 г. в Варшавском университете был открыт православный богословский факультет (польск. *Studium Teologii Prawosławnej*), деканом которого являлся руководитель Польской автокефальной церкви митрополит Дионисий (Валединский). На высоком уровне, с привлечением квалифицированных специалистов, на факультете изучались богословские дисциплины, но в то же время уделялось большое внимание полонистике, привитию будущим священникам польского национального компонента в соответствии с государственной политикой полонизации церкви⁵⁰. Несмотря на это, на богословском факультете имели место попытки национальной эмансипации студентов, которые в подовляющем большинстве были представителями национальных меньшинств Польши – белорусами, украинцами либо русскими.

Наиболее организованное и сплоченное национальное представительство на факультете имели украинские студенты, которых активно поддерживали известные преподаватели-богословы и историки, украинцы по происхождению, работавшие в университете. Белорусские студенты в этом плане значительно отставали от украинских коллег, однако определенное белорусское национальное присутствие на факультете прослеживалось. В 1928 г. Совет профессоров Варшавского университета постановил открыть на богословском факультете кафедру белорусоведения и пригласить для ее организации филолога Я. Станкевича, который в это время был избран депутатом польского сейма в Варшаве. Нами не выявлено информации о какой-либо активной деятельности кафедры, однако известно, что Станкевич преподавал белорусский язык студентам–богословам до 1932 г.⁵¹ Возможно благодаря усилиям Станкевича именно в начале 1930-х гг. белорусские студенты стали более активно проявлять свое национальное самосознание, что выявилось в издании студенческого богословского журнала „Путь правды”. Если ранее журнал издавался исключительно по-русски, то с 1930 г. в нем появляются материалы на белорусском языке⁵². Эти небольшие ростки белорусскости в стенах Варшавского университета сохранились вплоть до конца 1930-х гг., т.к. еще в 1937 г. заведующий общежитием для студентов-богословов архимандрит Феофан Протасевич заказывал в виленском книжном магазине белорусскую литературу, которая, безусловно, имела спрос среди учащейся молодежи⁵³.

⁴⁹ *Ibidem*, с. 114.

⁵⁰ Л. Кулажанка, *op. cit.*, с. 48.

⁵¹ Катэдра беларусазнаўства на праваслаўным багаслоўскім аддзеле Варшаўскага універсітэту, „Беларуская зарніца” 1928, нр 2, с. 15–16.

⁵² Л. Кулажанка, *op. cit.*, с. 47.

⁵³ LCVA, f. 368, ар. 1, б. 60, к. 177: Письмо архимандрита Феофана Протасевича в книжный магазин „Пагоня”, 18 IV 1937.

Можно с уверенностью утверждать, что в межвоенный период белорусское национальное движение оказывало определенное влияние на православную церковь в Западной Беларуси, проявлением чего являлось присутствие значительного национального компонента в православных учебных заведениях. Среди последних необходимо выделить Виленскую духовную семинарию, которая была одним из немногих государственных учреждений образования в Польше, где практически весь межвоенный период преподавалось белорусоведение, а белорусская национальная идея находила поддержку среди части учеников. Фактически семинарию можно включить в список тех виленских организаций и учреждений, которые внесли весомый вклад в распространение и укрепление белорусской идентичности среди православного населения Западной Беларуси. Тем не менее, давление со стороны польских властей и консервативные настроения среди части духовенства и епископата не позволили белорусским активистам поставить под свой полный контроль православное образование и реализовать идею белорусизации православной церкви в межвоенный период.

Bibliografia

- Adamkowicz, A. (2016). *Bielarusy u Litwie: uczora i sionnja. Kn. 2: Z Bogam pa-bielarusku*. Wilnja: Asacyjacyja „Krywija”.
- Cymbał, A. (2016). *Prawasłaunyja carkwa u Zachodnjaj Bielarusi (1921–1939)*. Minsk: MDLU.
- Dawidziuk, M. (1990). Sprawa białarusizacyi prawasłaunaj carkwy u swiatle polityki polskich dzjaržaunych uład 1919–1939. W: *Białoruski kaliandar na 1990 hod (67–92)*. Białostok: GP BGKT.
- Gorny, A. (2011). Protaieriej Aleksandr Kousz: wiartannie z zabyccja. *Grodnienskije jeparchialnyje wiadomosti*, 11, s. 13–17.
- Gorny, A. (2012). Da historii Centralnaha białaruskaha prawasłaunaha kamiteta pa białarusizacyi carkwy. *Nasza Slovo*, 15, s. 6–7.
- Iwaniuk, W. (2004). Białoruskie wydawnictwa cerkiewne w II Rzeczypospolitej. W: A. Mironowicz, U. Pawluczuk, P. Chomik (red.), *Prawosławne oficyny wydawnicze w Rzeczypospolitej* (s. 212–224). Białystok: Instytut Historii UwB.
- Kałużanka, L. (1999). Z wopytu aswietnickaha służennja Prawasłaunaj carkwy (Zachodnaja Bielaruś: 1920–30-ja hh.). *Prawasłauje*, 8, s. 38–57.
- Kowaljenja, A. (2014). *Rižskij mir w sud'bie białoruskogo naroda 1921–1953 gg. Kn. 1*. Minsk: Białaruskaja nawuka.
- Krawcewicz, A. Smolenczuk, A., Tokć, S. (2011). *Bielorusy: nacija Pograniczja*. Wilnius: EGU.
- Mironowicz, A. (2006). *Kościół prawosławny w Polsce*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne.
- Moroz, M. (2001). „Krynica”. *Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne.

- Pawluczuk, U. (2012). Białorusitzenizacja i ukrainizacja języka liturgicznego w Kościele prawosławnym w II Rzeczypospolitej. *Latopisy Akademii Supraskiej*, 3, s. 171–181.
- Sliesariw, A. (2016). Dwizenije cerkownogo obnowljenija w Mogilewskoj jeparchii posle Fiewralskoj riewolucii 1917 g.: Czriezwyczajnyj Sjezd duchowienstwa i mirian. *XPONOS. Cerkowno-istoriczeskij almanach*, 3, s. 95–137.
- Tierieszkowicz, P. (2004). *Etniczeskaja istorija Bielarusi XIX–naczała XX w.: W kontieksctie Centralno-Wostocznoj Jewropy*. Minsk: BGU.
- Tracjak, I. (2013). *Bielaruskaje katalickaje duchawienstwa lja wytokau sacyjakulturnaj identyfikacyi*. Grodna: GrDU.
- Traczuk, J. (1989). „Prawasłaunaja Bielaruś” jako organ Prawosławnego Białoruskiego Zjednoczenia Demokratycznego. *Slavia Orientalis*, 3–4, s. 543–562.

Summary

The Belarusian national movement in interwar Poland significantly increased its influence on various aspects of social and cultural life, including the Orthodox Church in the 1920s. In the socio-political discourse of the Belarusian minority in Poland the Belarusization of the Orthodox Church and its institutions was actively discussed. One of the main conditions of this process was the expansion of the Belarusian Orthodox component in education, especially in the Vilnius Seminary and at the Theological Faculty of the University of Warsaw, the goal being to bring up a new generation of Belarusian priests. The influence of the Belarusian national movement in these institutions was reflected in the participation of teachers and students in the Belarusian political life, the teaching of the Belarusian language, the creation of Belarusian groups and creative teams.

Key words: Belarusian national movement, Western Belarus, interwar Poland, Orthodox Church, Vilnius Theological Seminary, Belarusization

Streszczenie

Białoruski ruch narodowy w Polsce międzywojennej znacznie zwiększył swój wpływ na różne aspekty życia społecznego i kulturalnego, w tym na Cerkiew prawosławną. W dyskursie społeczno-politycznym białoruskiej mniejszości narodowej w Polsce aktywnie dyskutowano nad białorusitzenizacją Cerkwi i jej instytucji. Jednym z głównych warunków tego procesu była ekspansja białoruskiego składnika w szkołach prawosławnych w celu kształtowania nowej generacji białoruskich księży prawosławnych, głównie w seminarium w Wilnie oraz na Wydziale Teologicznym Uniwersytetu Warszawskiego. Wpływ białoruskiego ruchu narodowego w tych instytucjach znalazł odzwierciedlenie w udziale nauczycieli i uczniów w białoruskim życiu politycznym, nauczaniu języka białoruskiego, tworzeniu białoruskich grup i zespołów twórczych.

Słowa kluczowe: białoruski ruch narodowy, Zachodnia Białoruś, Polska międzywojenna, cerkiew, seminarium duchowne w Wilnie, białorusitzenizacja

Рэзюме

У 1920–ыя гады беларускі нацыянальны рух у міжваеннай Польшчы значна пашырыў свой уплыў на розныя сферы грамадскага і культурнага жыцця, у тым ліку і на Праваслаўную царкву. У грамадска-палітычным дыскурсе беларускай меншасці Польшчы актыўна абмяркоўвалася пытанне пра беларусізацыю Праваслаўнай царквы і яе інстытутаў. Адным з галоўных варункаў гэтага працэсу з’яўлялася пашырэнне беларускага кампанента ў праваслаўных навучальных установах з мэтай выхавання новага пакалення беларускіх праваслаўных святароў, асабліва ў Віленскай духоўнай семінарыі і на багаслоўскім факультэце Варшаўскага ўніверсітэта. Уздзеянне беларускага нацыянальнага руху на гэтыя ўстановы выяўлялася ва ўдзеле выкладчыкаў і навучэнцаў у беларускім палітычным жыцці, выкладанні беларускай мовы, арганізацыі беларускіх кружкаў і творчых калектываў.

Ключавыя словы: беларускі нацыянальны рух, Заходняя Беларусь, міжваенная Польшча, Праваслаўная царква, Віленская духоўная семінарыя, беларусізацыя